

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков
<https://t.me/guildwh40k>*

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Переводчик – Юрия Скейс

Дариус Хинкс “Цена войны”

наш канал в
telegram-
@guildwh40k

художник - noldofine

Scions of the Emperor

ЦЕНА ВОЙНЫ

Дариус Хинкс

Я смотрел, как Макрейдж пылает, слушая наполненные паникой рапорты, приходящие с Магистральной Ниитум:

– Там семь когорт! Люди, верные Либану, Галлану и Палатину убивают и мародерствуют! Капитан Мелот говорит, что их подкупили. Подкупили, лорд Жиллиман! Они убивают за деньги! Как мы до этого докатились? Они разнесли Гробницу Мегарика, и разожгли пожары вдоль всей Арки Проана. Они сражаются около Сенаторума и Палаты Консулов...

«Они убивают за деньги!..».

Каждый раз, когда я слышу подобные гротескные, полные варварства фразы вроде этой, то вспоминаю о том, как сильно я отличаюсь от остальных людей; я мыслю не так, как мыслят они, я – существо совершенно иного рода. Там, где остальные видят лишь отдельные элементы мозаики, я способен увидеть картину в целом, и неважно, чего касается: военной стратегии, теологии, или же философии; мой разум, кажется, работает на абсолютно ином уровне, нежели у моих сверстников. Иногда я нахожу эту мысль обнадеживающей, в иные же дни она тревожит меня – почему же я столь непохож на других? Убийство, совершенное ради финансовой выгоды, заводит меня в тупик полнейшего непонимания; это выглядит как поступок того, кто потерялся во тьме, ослепленный невежеством и самыми примитивными и животными потребностями.

Магистраль наводнена людьми, что ищут спасения от насилия, и мои когорты движутся удручающе медленно, стараясь не причинить им вреда; несколько раз наши бронемшины со скрежетом тормозят, пока паникующая толпа пытается расступиться, открыв нам дорогу. Впрочем, никто не желает оказаться у нас на пути: мы производим слишком устрашающее впечатление, ибо всё еще покрыты грязью битвы. Поэтому те, кто был в состоянии, бежали как можно дальше при виде наших знамен, покрытых пылью и копотью.

Я продолжаю отдавать приказы, пока мы приближаемся к городу, стараясь обработать всю доступную мне информацию; я делаю это так, как не смог бы никто другой, но эта фраза... «Они убивают за деньги!» – эта фраза пробуждает во мне старые воспоминания...

Мне было пять, когда отец взял меня на охоту, и я прекрасно понимал, зачем: даже тогда я мог читать людей с той же легкостью, с какой читал военные трактаты. Мой отец видел, как я смотрю на его генералов и чиновников, он видел, как сильно я их презираю. Величайшие государственные деятели великого города были ограниченными людьми, не способными увидеть самого важного ресурса на их планете – собственного напрасно угнетенного народа. Они были идиотами и тиранами, и даже тогда, в свои пять лет, я хотел разрушить эту систему, изжившую себя, и я знал, что мой отец отчаянно желал того же. Впрочем, мое положение на Макрейдже было слишком шатким, а отец был достаточно мудр, чтобы не рисковать моей жизнью ради принципов. Именно поэтому он забрал меня туда, где нравилось находиться нам обоим – в холодные прекрасные предгорья Гор Короны, где мы могли дышать свежим воздухом, и давать волю своему гневу, карабкаясь по камням. Вдали от Сената мой отец прекращал притворяться, будто бы я обычный ребёнок, и мы охотились вместе, как равные. Он всегда смеялся, видя мою необузданную силу, и гордился своим странным маленьким сыном, но однажды, когда я увидел, как он упал, скривившись от пореза на руке, меня осенила ужасная правда...

Мы не были равными, и никогда не могли ими быть. Мой отец не был похож на меня: человеку, который научил меня жизни, было суждено умереть. При виде алого пятна на его тунике у меня перехватило дыхание – я понял, что однажды Конор Жиллиман умрёт, он оставит меня, оставит меня совсем одного с идиотами и тиранами!..

В это мгновение я ощутил себя ребенком, которым я всегда лишь притворялся. На глаза навернулись слёзы, и я положил руку на его рану, отчаянно желая, чтобы она исчезла, но он лишь засмеялся в ответ, покачивая головой – он не смеялся надо мной, но подбадривал. Отец вынул монету, и передал её мне; на одной стороне был отчеканен его профиль, а на другой – консула Галлана. Он сложил мои пальцы в кулак, крепко зажав между них монету. – Ощути её силу, – сказал он; сколь бы сильным я не был, я не мог согнуть металл. – Монета – это Макрейдж, прекрасный и нерушимый. Сотворённый,

чтобы пережить нас всех. И пока есть Макрейдж, я буду с тобой, Робавт. Мои достоинства – это достоинства Макрейджа. Моя сила – это сила Макрейджа. Это не просто мой дом, Робавт, это моя душа и моя семья, но и твоя семья тоже! Макрейдж выстоит – потому Макрейдж должен выстоять. И пока он стоит, ты не будешь одинок никогда...

– Они сражаются у Врат Тирса! – голос капитана Мелота звучал почти истерично – мы приближались все ближе к городу, и я бросил на него предупреждающий взгляд. Да, мы только что сокрушили мятеж, угрожавший всей Иллирии, но видеть войну в своём собственном доме – совсем другое. Мой разум вновь словно бы совершил скачок вперёд, и я увидел, что оба конфликта в самом деле были лишь частью единого целого: бунтовщики Иллирии планировали свергнуть Сенат, свергнуть в хаос Макрейдж, и вот теперь мы вернулись домой, обнаружив столицу, объятую пламенем восстания. Кто бы ни стоял за первым бунтом, без сомнений, стоит и за вторым...

Отрывистыми командами я распределил солдат по позициям, но мой разум все еще блуждал где-то далеко-далеко отсюда. Палата Консулов была атакована – там ли находится мой отец? Он уже не так молод, как в памятный день нашей охоты в Горах Короны, но все еще впечатляюще силен; можно лишь пожалеть любого, кто дерзнул бы забрать его власть.

Я направил пять когорт к Арке Проана, и еще пять к Сенаторуму; оставшихся солдат я повел за собою к Палате Консулов. Уже светает, и лучи кораллового света сверкали на куполах амфитеатров, отчего казалось, будто пылает весь город.

Мы вошли в ряды декоративных садов. Я помедлил, силясь скрыть свое негодование – едва войдя в подростковые годы, я уже тогда сражался в нескольких кампаниях, победами стараясь оправдать доверие моего отца, но еще никогда я не видел, и даже представить не мог, что столько лазерных винтовок одновременно будет стрелять в несчастной столице, фризы которой ныне были залиты кровью, а колоннады – закопчены от пожарищ.

Я вспомнил изученные на занятиях с сенешалем Тарашей методики, и, цитируя её литании, успокоил дыхание и очистил разум.

Подходы к Палате Консулов более были похожи на паутину петляющих троп, отображающих вращение небесных тел: Макрейджа, Ардиума, Лафиса,

Тулиума, Мортендара и Нова Тулиума; здесь были имена легенд, высеченные мраморных фонтанах, окруженных целыми стенами тиса.

В полутьме раздался треск автокарабинов, и я взмахом руки я отправил две когорты на разные дороги этого рукотворного лабиринта, отдав последнему подразделению приказ следовать за мною, а затем сам стремительно двинулся вниз по центральной дороге, следуя по орбите Новы Туллиум.

Мы находились на полпути к Палате, когда мне навстречу выскочил солдат: на его форме были сорваны все знаки различия, в волосах застряли листья, сам же он шатался, явно будучи пьяным; покачиваясь, он побрел ко мне, небрежно держа в руках свое оружие. За ним последовали еще трое столь же неряшливых, и нетвердо стоящих на ногах людей: первый из них был настоящим огром, столь широким и мощно сложенным, что оружие в его мясистых кулаках выглядело смехотворно. Он захохотал, ринувшись в мою сторону и одновременно вскидывая автокарабин. Впрочем, едва приблизившись, чтобы разглядеть меня, он запнулся, а лицо же его отобразило искреннее недоумение – Лорд Жиллиман... – пробормотал гигант, и ухмылка сползла с его физиономии.

Вдалеке лежали тела – тела стражи моего отца. Человек, что стоял передо мною, был воплощением позора – он предал своих товарищей и предал честь своего мундира. Он был подлецом и убийцей.

Этот идиот был настолько сбит с толку моим появлением, что попытался отдать воинское приветствие, но я резко рванул вперед к нему, выхватывая на бегу меч, и молниеносно обезглавил предателя.

Пьяницы позади, казалось, были слишком шокированы, чтобы отреагировать, но все же засуетились, пытаясь вскинуть оружие. Я выхватил свой пистолет и уложил их несколькими выстрелами.

Они рухнули на тропинку, и промеж их глаз вился дымок.

Я выждал еще пару мгновений с оружием наготове, ожидая появления и других предателей, но никто не явился, а затем дал своим людям сигнал, и мы немедленно продолжили путь по направлению к Палате Консулов.

На ступенях Палаты велась отчаянная перестрелка: группа оборванных солдат, вроде тех четверых, что я убил ранее, сгорбилась в укрытиях на самом верху лестницы, неистово паля во вторую, что заняла позиции за перевернутым граунд-мобилем с вырванными дверями. Из двигателя валил дым, скрывая стреляющих из-за машины бойцов.

От стены отрикошетила шрапнель, когда из лабиринта переулков появился третий отряд, и я вскинул руку, приказывая своим подчиненным не открывать огня, пока я анализирую обстановку.

Люди на ступенях, защищавшие двери, выкрикивали пьяные ругательства – я определил их как предателей. Сыны Макрейджа никогда бы не повели себя столь ничтожно. Люди у грузовика были совсем иным делом – из-за скрывающего их дыма я не мог удостовериться, относились ли они к восставшим, или же подчинялись моему отцу.

Этот вопрос отпал, когда сквозь сады с визгом пронеслась ракета, выпущенная со стороны переулков, превратив граунд-мобиль в ослепительный столб пламени.

В меня полетели осколки и искры, а мои солдаты пригнулись. Сам же я остался недвижим, вглядываясь во вспышку. В мире было очень мало вещей, способных по-настоящему навредить мне – я понял это к десяти годам, и всю жизнь скрывал большую часть правды о своей неуязвимости при себе. Даже мой отец был бы шокирован, узнай он настоящие пределы моей силы; в том редком случае, когда нечто все же нарушало мой кожный покров, рана исцелялась буквально за секунды, затягиваясь прямо на глазах.

Я был то ли чудом, то ли проклятием, и лишь время могло показать истину.

Люди бежали в сторону от пылающего грузовика, окутанные пламенем, но я не обратил на них внимания, и двинулся к ступеням, вскидывая свой пистолет. Предатели были слишком заняты, потешаясь над горящими врагами, и им понадобилось некоторое время, чтобы заметить меня; когда же они заметили, то растерялись, как и те, что теперь мертвыми лежали в садах. Половина Макрейджа ненавидела меня, половина же обращалась как со святым, но никто в столице не мог смотреть мне в глаза, сохраняя хоть каплю уверенности и самообладания.

Дезертиры все еще решали, как же им отреагировать на мое присутствие, когда мои выстрелы вскрыли их черепа. Тела повалились на ступени, а оружие с лязгом упало на рокрит.

Я приказал своим солдатам перехватить группу, атакующую из переулков; они уже были готовы открыть огонь, когда сквозь дым пророкотал знакомый мне голос:

– Робаут! Не стреляйте!

– Галлан! – крикнул я в ответ, кивком головы повелевая своим людям опустить оружие.

Мы крепко обнялись, и затем он отодвинулся на расстояние вытянутой руки, покачивая головой, и его глаза сияли.

– Как же я рад, что ты вернулся!

Галлан был одним из двух консулов Макрейджа: вместе с моим отцом он занимал пост Лорда-Тетрарха в Сенате и был старшим магистратом законодательного собрания Макрейджа. То был человек внушительной стати, и ростом доставал мне почти до груди, обладая могучей наружностью, что не померкла с годами. Консул носил золотую церемониальную кирасу и шлем с уверенностью человека, что был рожден повелевать: большинство жителей Макрейджа склонились бы в его присутствии, и потеряли дар речи, но я лишь кивнул головой в сторону бойни:

– Кто совершил это?

Он поморщился, глядя на тела и тлеющий остов граунд-мобиля.

– Те люди, по которым происходящее ударит сильнее всего. Люди, которым должны были помочь реформы твоего отца... Эти глупцы взяли дело в собственные руки.

Мои солдаты вздрогнули, когда сквозь Палату Консулов пронеслась цепочка взрывов, содрогнувших землю, и мы развернулись к стене пламени, пожирающей колонны и окна, что раскалывала каменную кладку в садах. Я приказал своим бойцам рассредоточиться дугой, и навести оружие внутрь Палаты.

– Мой отец там?

– Он часами сдерживал толпу, но около тридцати минут назад всё стихло, и я как можно скорее поспешил сюда, – кивнул Галлан.

– Я пытался связаться с ним по вокс-связи с тех пор, как достиг города, но никакого ответа не было.

– В таком случае нам следует поспешить, – ответил консул, с оружием наизготовку направляясь внутрь Палаты.

Вокс в латном вороте с треском ожил, донося вести от моих отосланных двух когорт: они столкнулись с сопротивлением по обеим сторонам здания, и в данный момент были прижаты превосходящей огневой мощью противника.

– *Удерживайте позиции*, – приказал я. – *Вскоре я с этим разберусь.*

Позаботьтесь о том, чтобы никто не покинул Палату!

Вход более был похож на скотобойню: статуи старых консулов завалены телами, пол же потемнел от крови. Мы с Галланом застыли, потрясенные этим зрелищем.

– Как они могли?.. – пробормотал Галлан. – Здесь?..

Я покачал головой, отчаянно пытаясь подавить нараставшую ярость.

Мы двинулись вперед, нацелив оружие, и приблизились к широкой раздвоенной лестнице, ведущей к верхним покоям. Галлан взял на себя один пролёт, я ринулся по второму, и мои бойцы следовали за нами.

Мы успели пройти половину пути наверх, когда противник у дверей открыл по нам огонь: они были облачены в форму Гвардии Консулов, но, как и те мятежники, что были снаружи, сорвали со своих мундиров все знаки отличия. Поручень под моими пальцами буквально взорвался от врезавшихся пуль, и я отшатнулся в сторону, врезавшись в стену, и стреляя в ответ.

Полумрак Палаты разрывали залпы лазерных разрядов.

Галлан побежал к дверям, перепрыгивая две ступени за раз, и паля в темноту. Мои солдаты последовали его примеру, превратив помещение в шумный ад, наполненный светом и осколками алебаstra: раздавались крики, глухие удары – но, увы, атака захлебнулась.

Я выпрямился, и побежал вверх по лестнице, буквально влетев в помещение следом за Галланом – это была длинная, увешанная гобеленами галерея, в которой повсюду лежали тела. Я увернулся от ударившего в дверной косяк выстрела дробовика, ответным выстрелом убив стрелка. Консул Галлан тем временем неумолимо шел сквозь дым, меткими выстрелами сражая предателей,

а я запрыгнул на стол, что тянулся по центру комнаты, добивая тех немногих, что он упустил.

– Лорд Жиллиман! – окликнул меня один из моих солдат.

Обернувшись, я увидел десятки мятежников, бегущих вверх по ступеням с оружием наперевес. Прыжком я спрыгнул вниз с мраморного стола, опрокинул его, а затем пнул через всю комнату, после чего стол врезался в стену, блокируя проход.

Я отдал своим людям приказ занять за ним позиции:

– Задержите их! – наказал я, вместе с Галланом направляясь в следующие покои.

Позади раздался грохот взрывов, кто-то кричал боевые кличи: мои воины верно выполняли свой долг.

Мы попали в еще одну длинную галерею, обставленную книжными полками колоссальных размеров, взмывавшими к высокому сводчатому потолку, на котором фрески херувимов окружали изображение Старой Терры. Мы с Галланом остановились у порога: люменосферы не работали, и консул прищурился, вглядываясь во тьму. Для меня же она едва ли отличалась от света: у меня ушли целые годы на то, чтобы понять страсть людей к освещению дворцов и улиц.

– Там! – указал я, кивая на одну из четырех дверей, ведущих из помещения.

Галлан в ответ качнул головой, и мы двинулись дальше, стремясь уловить движения в тенях; впереди неожиданно открыли огонь, и я услышал, как консул выругался, скрывшись за постаментом статуи.

– Галлан?

– Я в порядке! Не останавливайся!

Я двинулся дальше в центр галереи, не обращая внимания на вой лазеров и визжание пуль. Странной штукой была эта сила – чем более ты силен, тем меньше тебе нужно. Моя же слава бессмертного, казалось, сбивала прицел даже самых умелых стрелков, и я спокойно шёл к сгрудившейся кучке солдат в дальнем конце комнаты, пока выстрелы разрывали бюсты и архивы, поднимая в воздух тучи гипсовой пыли.

Мятежники укрывались под аркой, ведущей в следующие покои. Их было несколько дюжин, и каждый сжимал огнестрельное оружие или меч. Будь они невозмутимы и хладнокровны, у меня бы могли возникнуть проблемы, но сейчас я знал, что этого не случится. Я взглянул на них глазами, полными гнева, позволив тому, чем бы я ни был, буквально сиять изнутри меня, и они запаниковали

Они запаниковали: некоторые бросились в укрытия, другие же напали на меня, открыв шквальный огонь. Я уклонился от пары неловких выпадов и увернулся от потока лазерных вспышек, с легкостью разрубая нападавших небрежными взмахами своего меча. Остальные дрогнули и попятились, беспорядочно стреляя мимо.

– Во имя консулов - подчинитесь! – взревел я, и они застыли, словно смутившись, всерьёз полагая, что я даю им шанс капитулировать.

Я благодарно кивнул, признавая их послушание, а затем убил шквалом лазерного огня; я не ощущал никакой жалости, когда они пали, источая дым и в конвульсиях дергая конечностями. Они обратились против Сената. Они предали сам Макрейдж. Их подлым деяниям не могло быть никаких оправданий.

– Галлан? – спохватился я, обернувшись.

Он уже подходил ко мне, сжимая бицепс своей руки.

– Я в порядке, – ответил консул, кивком указывая на следующую комнату.

Когда мы приблизились к покоям отца, бои уже начали стихать: мои солдаты докладывали о минимальном сопротивлении, и мы с Галланом разобрались с большинством зачинщиков.

Кабинет моего отца был великолепен: настоящее произведение искусства, исполненное в золоте и слоновой кости, но ныне его роскошные ковры были пропитаны кровью и покрыты телами павших гвардейцев, некоторые из которых были знакомы мне на протяжении всей своей жизни.

Увидев их, я вновь процитировал успокаивающие литании Тараши.

Царила жуткая тишина, когда мы подошли к личным покоям консула Жиллимана. Здесь также находились десятки тел, а по висящему на стене гобелену расплзалось пламя.

Галлан ринулся к полотну, и сорвал его, изрыгая ругательства, и топча его ногами, стараясь сбить огонь.

– Оно бесценно! – прорычал он. – Уничтожено варварами, которые даже не способны им восхититься!

Я любил Галлана, но он был столь же странным для моего понимания, как и все аристократы Макрейджа: он шел мимо десятков мертвых людей, но отчего-то в ярость его привел именно испорченный гобелен.

Я ощутил в воздухе некий запах, химический, и отдававший. Он казался мне тревожно знакомым, и я стремительно стал искать его в памяти, силясь вспомнить, где же я встречал его раньше, как вдруг я увидел движение на полу возле Галлана, все еще стоящего рядом с тлеющим гобеленом...

– Берегись!

Он отскочил назад, и мы оба вскинули наше оружие. И тогда я пришел в ужас, увидев человека, что согнулся на полу, словно кусок сломанной мебели...

– Отец!.. Нет!..

Мы оба кинулись к нему, но отец предупреждающе вскинул руку, остановив нас в паре шагов от себя. Он едва ли слышно шептал ругательства: его некогда прекрасная кираса ныне была похожа на решето, а одежды пропитаны кровью. Одна из ног была согнута под неестественным углом, а кожа обуглилась и покрылась волдырями, но хуже всего было видеть темную линию, рассекавшую горло, что выглядела, словно широкий, ощерившийся в усмешке рот, сочащийся струйками крови. Он охнул, силясь вдохнуть, и его лицо побледнело.

Я рухнул на колени рядом, и потянулся к нему, но отец вновь отмахнулся от меня; его глаза буквально сверкали отчаянным предостережением. Он попытался заговорить, но издал лишь отвратительное бульканье. Он угасал, захлебываясь собственной кровью, хватался за горло, пытаясь сесть, а я со всеми своими таинственными дарованиями не мог ничего сделать; я оторвал кусок своего плаща, чтобы перевязать им шею отца, но в ответ на это с глазами, пылающими яростью, он наставил мне на лицо пистолет.

– Кто сотворил это?! – прошептал я, но он, кажется, не слышал моих слов.

Я оставил попытки дотронуться до отца, и гнев сошел с его лица; он потянулся к чему-то, что лежало на полу.

Я поднял предмет – то была монета. Должно быть, она выпала из его одежд, когда он был сбит с ног. Я попытался протянуть ее отцу, но он замотал головой, показывая, что я должен сжать ее в кулаке; я судорожно вздохнул, осознавая, что он хотел напомнить мне о том давнем дне в горах, дне, когда он протянул мне монету, и пообещал, что я никогда не буду одинок...

– Нет! – зарыдал я, но отец по-прежнему держал меня на прицеле, не позволяя приблизиться.

Галлан попытался положить руку мне на плечо, но я дернулся, сжав монету столь сильно, что согнул ее.

Около минуты мой отец лежал, наставив пистолет на мою голову, дабы я прикасался к нему, как вдруг его взгляд застыл. Застыл, обратившись к чему-то, что могли видеть лишь мертвые.

Он умер.

Я упал рядом с телом отца, медленно сползая по стене, рыча словно зверь и рыдая. Галлан отчаянно тряс меня за плечи, что-то крича; я осознал, что лежу на обрывках все еще горящего гобелена.

Я поднялся на ноги, и посмотрел на тело Конора Жиллимана, буквально разрываясь от бешенства, и каждый дюйм моего тела был напряжен до предела. Я боялся пошевелиться, страхась того насилия, что мог выпустить наружу.

Мой отец не оставил меня – его у меня отобрали!..

– Робаут, – произнес Галлан тихим, вкрадчивым голосом. – Мы должны идти...

– Идти? – я взглянул на него сверху вниз; даже в отрочестве я был гигантом, и сейчас возвышался над консулом. – Мой отец мертв, он убит, а ты хочешь, чтобы я ушёл? Хочешь, чтобы я оставил его?!

– Подумай как следует, Робаут. Макрейдж разрывает себя на части. Думаешь, Конор хотел, чтобы ты сидел над его трупом, пока там, снаружи, уничтожают дело всей его жизни? Подумай о своём долге, Робаут, о долге перед Макрейджом.

Я прилагал столь отчаянные усилия, чтобы не ударить Галлана, что на некоторое время замер, и не мог говорить, но затем, когда вдалеке раздался вой

лазерных выстрелов, я узрел правду в его словах. Я подумал о монете в своём кулаке, согнутой, но не сломленной, и кивнул:

– Сенаторум.

– Будет созвана легислатура. Мы должны поведать им обо всем, что произошло здесь. Плебеи только что лишили себя своего величайшего покровителя, – он покачал головой, глядя на тело моего отца. – Но они также рискнули стабильностью всей планеты. Слишком много фракций ведут отчаянную борьбу за власть – если сейчас мы устроим выборы нового консула, то начнутся волнения. Это крайне опасный момент... – Галлан осекся, осматривая лежавшие вокруг трупы.

Я крепко запер свою скорбь в дальнем уголке разума, и попытался мыслить трезво.

– Сегодня Макрейдж лишился одного из своих консулов. И я не допущу, чтобы он лишился второго.

Я приказал нескольким солдатам из своей когорты охранять тело отца, а остальные последовали за мной в город. Кровь пульсировала в моих в ушах, и, казалось, на меня повсюду взирало лицо Конора Жиллимана.

Мы шли по городу, и из каждого храма и квартала извергались целые толпы людей; я игнорировал простых бунтовщиков, но не облаченных в форму солдат – вот они-то познали крохотную частицу той ярости, что я едва удерживал в себе...

Я пытался убивать их с тем бесстрашием, к которому был приучен, но внутри словно бы что-то надломилось; я не мог более просто хладнокровно стрелять в них. Стыдно вспоминать о том, как я дал волю своему гневу, швыряя их тела о стены, раскалывая кулаками черепа, или бросая живых людей в огонь.

К тому времени, как мы достигли площади около Сенаторума, Галлан уже был буквально вне себя от раздражения, вызванного сообщениями, поступающими из его вокс-бусины. Он заметил, что я смотрю на него, и поморщился:

– Они хотят, чтобы я стал единоличным консулом до тех пор, пока ситуация не стабилизируется, и мы не восстановим порядок.

– Единоличным консулом? – я приподнял бровь от удивления. – Смелая идея.

– Она идёт вразрез со всеми постановлениями...

– Если мы хотим разобраться с этим, то должны действовать, и действовать быстро, – с этими словами я бросил на него выразительный взгляд, и двинулся дальше.

Около Врат Сенаторума кипело сражение; я уже был готов возглавить атаку, но Галлан удержал меня:

– Нам необходимо как можно скорее добраться до Зала Согласия. Мы должны выступить перед Сенатом до того, как они примут решение, – закончив, он указал мне на вход для сервиторов и слуг с другой стороны здания.

Я колебался, глядя на побоище рядом с Вратами. Толпа швыряла брусчатку, и пыталась поджечь знамена – они более были похожи на пьяных или душевнобольных, и вновь я осознал, как тяжело мне было принять мысль о том, что я был одного рода с этими слабоумными созданиями. Как могли они посметь озлобиться на правительство, что дало им столь многое?..

– Не дай гневу затуманить свой разум, – Галлан пресек мои размышления. – Мы можем застрять здесь слишком надолго.

– Ты прав. Я должен сопровождать тебя к собранию, пока не стало слишком поздно.

Я отдал своим людям приказ вступить в бой, и оставил их, двинувшись к темной задней части здания.

Двери внутри были распахнуты, и как только мы вошли в высокие залы Сенаторума, я мгновенно узнал то, что, как мне было известно, Галлан знать не мог; столь же хорошо, как и заполнившую улицы толпу снаружи я слышал, как лорды собираются в Зале Согласия. Был созван чрезвычайный совет, и сотни патрициев Макрейджа проложили свой путь сквозь мятежные орды, намереваясь убедиться в том, что их голос будет услышан, но даже отсюда я слышал, как трусливы были некоторые из них. В их интонациях я слышал не гнев, но воодушевление – в этом варварском кровопролитии они узрели лишь новые возможности...

На протяжении нескольких минут Галлан яростно шептал в вокс, общаясь с кем-то, кто передавал ему информацию из самого Зала, но когда мы приблизились к центру Сенаторума, он прервал разговор, и взглянул на меня: – Я хочу, чтобы ты стоял рядом со мною на подиуме. Твой отец желал бы того же.

Я лишь кивнул, едва улавливая смысл его слов, погруженный в мысли о том, что я потерял в тот день. — ... но ты не можешь появиться перед Сенатом в подобном виде.

Я в смущении нахмурился, но затем понял, что он говорит о моем боевом облачении: на мне были покрытые кровью и пеплом грязные доспехи и кольчуга.

Консул со слабой улыбкой покачал головой:

— Если ты вступишь в Зал Согласия со столь воинственным видом, там тоже начнется бунт. — он крепко сжал мою руку. — А нам следует быть голосом разума, Робаут. На сегодня достаточно варварства.

Я лишь кивнул в ответ. Всю свою жизнь я старался не навлечь позор на имя моего отца, и на фоне того, что он умер, это отчего-то казалось еще более важной задачей, чем, и я начал расстегивать свою броню.

— Сюда, — указал Галлан, куда лучше знакомый со зданием, нежели я. — Позволь слугам переодеть тебя.

Когда же я направился к двери, Галлан словно заколебался.

— Я буду быстр. Ступай, — ответил я, глядя на замешательство консула.

Он взглянул на меня с болью в глазах, но затем резко кивнул и поспешил прочь.

Комната была увешана шерстяными тогами и мантиями, что надевали патриции законодательного собрания, и направился к ним, одновременно скидывая пластины брони, что с лязгом падали на плиточный пол.

Я уже было наполовину разделся, когда в комнату ворвался слуга, и поклонился, поспешно закрывая дверь за собой.

— Милорд... — пробормотал он, поспешив помочь мне снять доспех.

— Вот это, — прорычал я, указав рукой на незамысловатое одеяние в виде простой сине-белой тоги без излишков золотых украшений, покрывавших все прочие облачения.

Слуга помедлил, но затем, кажется, лучше решил обдумать то, что собирался сказать, и пересек комнату, чтобы взять тогу.

Одеваясь, я уловил нечто странное: я почуял тот же странный химический запах, что ощущал в покоях своего отца. Некая едва уловимая тревога овладела моими

мыслями, требуя, чтобы я нашел связь, и на сей раз я преследовал мысль до самого конца, разворачивая в разуме полную картину происходящего...

Кампания в Иллирии была жестокой, но ее результаты были удовлетворительны. На каждого убитого дикаря приходился десяток тех, кто внял голосу разума и сложил оружие: первый раз в жизни я видел, как дипломатия превосходит в бою грубую силу. Но предводитель мятежа, жилистый коротышка по имени Зуллис, не желал преклонить передо мною колено и дрался, словно крыса, загнанная в угол, размахивая изогнутым клинком, что я видел у его ассасинов. Как он заявлял, смеясь и вращая клинком у моего лица, меч был покрыт нейротоксином. Я преподавал Зуллису крайне убедительный урок хороших манер, но запах яда мне крепко запомнился...

Слуга с ухмылкой приближался ко мне: его длинный, изогнутый клинок сверкнул в полумраке.

Я уклонился от выпада, и схватил убийцу за запястье, медленно выкручивая руку назад, пока не хрустнула кость, а ассасин не взвыл от шока и ярости.
– Ты убил моего отца! Ты отравил его!

Я понял, почему Конор не позволял мне приблизиться. Мой гнев, казалось, вышел за пределы того животного бешенства, что я ощущал ранее – в моих венах словно застыл лёд. Никогда еще я не ощущал себя человеком в столь малой степени, чем сейчас – потому что сейчас я ощущал себя живым оружием...

– Да! – захрипел ассасин, стремясь выдернуть руку из моей хватки; его глаза дико вращались, он рычал и смеялся, явно находясь под воздействием боевых стимуляторов.

– Но зачем?!

– Ради денег! – он зашелся смехом сквозь стиснутые зубы, и близко прижался ко мне, как вдруг мои легкие словно бы покинул весь воздух – убийца со всех сил ударил меня ногами в живот.

Пошатнувшись, я проклял свою глупость – он старался отвлечь меня. Я был слишком медлителен, куда медленнее, чем обычно. Я не спал на протяжении всей Иллирийской кампании, а по возвращению домой обнаружил мятеж. Возможно, даже у моей выносливости были пределы?..

Он вновь приблизился, сжимая клинок в здоровой руке, но я был готов: я увернулся от удара, и нанес мощный удар ему в висок, от которого убийца рухнул, издав влажный всхлип.

– Кто тебе заплатил?! – взревел я, схватив его за шею.

Химический запах вдруг усилился, и он обмяк в моей хватке, а на губах ассасина выступила пена.

Я бросил тело наёмника на пол и стал наблюдать за его предсмертными судорогами, не испытывая ни капли удовольствия при виде чужой боли. Пена пузырилась у него на губах, и запах усиливался еще больше – он раскусил ампулу, в которой, вероятно, был тот же токсин, что был на клинке.

Я было побежал к двери, но этот момент я увидел нечто, лежащее рядом с моими доспехами – монету, что мой отец, умирая, умолял меня взять. Я схватил ее, собираясь выйти в коридор, но застыл, заметив на ней нечто странное; я уставился на кусочек металла и под резким светом круглых ламп узрел истину...

– Нет!.. – неверяще выдохнул я, разгибая монету в прежнее положение. Я смотрел на нее, не желая поверить.

А затем я побежал.

Когда я вошел в Зал Согласия, Галлан уже находился на подиуме, стараясь перекрыть гул собрания. Аристократы Макрейджа ополчились друг на друга с не меньшей жестокостью, чем толпа за стенами Сенаторума.

Я шел позади подиума, и пока я медленно приближался к Галлану из-за спины, он продолжал говорить:

– ... я не имею в виду лишь Конора, но и его сына тоже! – воскликнул он, впечатав кулак в кафедру. – Они обрушили на нас разруху, и рискнули всем, что нам дорого! Я сам видел, как Конор впустил чернь в Дом Консулов! Если бы не храбрость моих людей, бунтовщики бы спалили все здание! Они убили десятки верных солдат, прежде чем мы смогли остановить их!

Сенат был ошеломлен, перешептываясь.

– А его сын, этот высокомерный выскочка Робаут? Разве мало того радушия, с которым мы приветствовали его в наших домах? Как он отплатил нам за это?! Не более десяти минут назад я лично наблюдал, как он пытался силой пробиться в эти палаты этих самых стенах вместе с теми предателями, с которыми, как он заявлял, сражался в Иллирии! Чем он действительно там занимался, спросите вы?.. И я отвечу – он плел заговор, чтобы свергнуть нас! Мы остановили его, но ценой огромных потерь... Я был вынужден убить его лично!

Я подошел еще ближе к Галлану, и на меня упал свет; толпа ахнула при виде меня, пока Галлан красочно расписывал им мою смерть:

– Но я не стыжусь содеянного! – горячо продолжал консул, неверно истолковав выражения их лиц; он все еще не догадывался о моем присутствии.

– Он предал Макрейдж, и я не готов был позволить ему вступить в этот зал! Я покончил с этой изменой единственным надежным способом из всех возможных...

Наконец, я подал голос, и мои слова прозвенели в напряженной тишине:

– Я был рядом со своим отцом, когда он умер.

Галлан повернулся ко мне, и его лицо побледнело.

– И я спросил его, кто в ответе за это, – продолжил я, приставив отравленный клинок ассасина к горлу консула. – И хотя он не мог говорить, но все же передал мне имя своего убийцы...

Галлан в панике и смятении смотрел, как я вынимаю монету.

– Полагаю, очень редкая, – продолжил я, вращая монету между пальцев. – Бракованная чеканка – вместо того, чтобы изображать двух консулов, на обеих сторонах находится одно и то же лицо. Твое лицо, консул Галлан.

– Ты жив! Это прекрасно! Я слышал, тебя убили... – нервно рассмеялся консул.

– Я слышал тебя, Галлан. Слышал все, что ты только что говорил.

Его улыбка застыла. Мгновение он казался растерянным, но затем в его глазах сверкнул гнев:

– Какое право ты имеешь приходить сюда, и бросаться обвинениями? Тебе здесь не место, мальчик. И никогда не было! Откуда ты взялся? Ты хоть знаешь, кто твой настоящий отец? Тебе повезло, что я не убил тебя, когда...

Слова Галлана утонули в гуле разъяренных голосов; некоторые патриции язвили и бранились, и на мгновение я было решил, что это адресовано мне, но затем понял – их гнев был направлен на Галлана... Ну разумеется! Сколь много бы не было политических разногласий, аристократы Макрейджа всегда сходились в одном – ложь в Зале Согласия была недостойна даже презрения, а мое присутствие здесь показало, каким обманщиком был консул.

Я ухватился за этот миг их сомнений, и обратился к Сенату спокойным непререкаемым тоном, что совершенствовал в переговорах с иллирийцами: – Мой отец никогда не лгал вам! Что бы не случилось сегодня, это не имеет отношения к нему, или его реформам. Нет ничего на всем свете, что значило бы для него больше, чем Сенат! Но истины, которые он проповедовал, были лишь пустым звуком для таких, как Галлан! Власть тирана хрупка и недолговечна – она умирает вместе с ним. Но государство, которое освобождает свой народ, становится лишь сильнее. У каждого последующего поколения все больше причин сражаться за свое благополучие, нежели у предыдущего, все больше причин служить. Мы можем облачить Макрейдж в верность и веру наших подданных! Мы можем сделать его неуязвимым!

Лицо Галлана буквально побагровело от ярости, и он почти завопил: – Вы идиоты! Да, это я убил Конора Жиллимана! Думаете, ради кого я это совершил?! Кто заплатит за обещанную им свободу? Чьи земли толпа жаждет заполучить? Ваши! Они желают вашей власти! Ваших денег! Кем же вы станете после его реформ?! Вы станете ничем, ничем не лучше обычной черни! Целые века традиций будут обращены в прах одним-единственным актом благотворительности!

Я уже приготовился оборвать его речь, крепко сжимая рукоять клинка, и вспомнил боль в глазах умирающего отца, как вдруг понял, что Сенат затих: они пристально наблюдали за мной, восхищенные зрелищем, что развернулось на подиуме. В их глазах я видел будущее: убив Галлана, я лишь докажу его правоту, стану дикарем и мятежником, которым он меня и выставлял. Все истины, за которые стоял мой отец, будут пересмотрены в ходе последующего голосования, и собрание захлестнет буйство взаимных обвинений и заговоров. Они обернутся друг против друга, и пока Макрейдж будет пылать, патриции будут драться между собой власть, стремясь превознести одного наследника над другим...

Я подумал о дикарях в Иллирии, что сложили оружие ради мечты, которую я расписывал перед ними.

Я опустил клинок.

Галлан в недоумении смотрел на то, как я отхожу от него.

– Один человек не может вершить правосудие, – сказал я, глядя на собравшихся.

– Это дело Сената. Макрейдж - нечто большее, нежели любой из нас. Да, Галлан убил моего отца, но я скорее позволю ему уйти безнаказанным, нежели посею раздор в этом Зале. Если вы желаете видеть этого человека своим консулом... Что ж, да будет так. Но все вы слышали, как он лжет вам, и он признал это безо всякого стыда. Вы должны принять решение быстро.

Глаза Галлана сверкнули; он пытался не засмеяться, полностью уверенный в том, что никто меня не послушает.

– Предатель! – раздался крик из глубины Зала. Я посмотрел на ряды патрициев, и увидел что один из них указывает дрожащим пальцем на меня... Нет, не на меня – на Галлана. Я узнал кричавшего – то был Адарин, человек, что всегда презирал меня, и осуждал реформы моего отца... Но ныне гнев Адарина был направлен на Галлана.

– Предатель! – воскликнул еще один патриций, а затем еще, пока весь Сенат не захлестнула волна обвинений.

Галлан неверяще пошатнулся, словно одурманенный, и закричал, брызжа слюной:

– Кретины! Эти люди обдерут вас до нитки! Подумайте о том, что создавали ваши отцы. Вы обрекаете...

Его слова обратились в бешеный вой, когда стража схватила консула за руки и повела с подиума; ярость Галлана обратилась в панику. Любого уличенного в обмане в Зале Согласия ждал только смертный приговор...

Я смотрел, как его утаскивают прочь и как он извергает проклятия, но затем спустился вниз, и начал проталкиваться через Зал обратно к своим воинам. Адарин пробрался через толпу и с мрачным лицом перегородил мне дорогу.

Сенат умолк.

Он глядел на меня столь сурово, что я было решил, что мне придется с боем прорываться наружу. На подиуме я сказал все, что думал, но не хотел более задерживаться, пока мои люди сражаются снаружи Сенаторума – я не оставлю их умирать в одиночестве.

Но Адарин совершил нечто неожиданное: он снял металлический венок со своей головы и бросил его к моим ногам.

По Залу прокатился подавленный вздох – каждый слишком хорошо понимал символизм этого поступка.

Адарин клялся мне в верности.

Я было подумал, не смеется ли он надо мной, но лицо сенатора было совершенно честным, и он заговорил:

– Я не знаю, откуда ты прибыл – и для меня отныне это неважно. Никогда ранее я не слышал слов столь верных и истинных, какие мог бы сказать бы сын Макрейджа: твой отец мертв, а его тело находится не более чем в километре отсюда, но ты спокойно и ясно говорил в присутствии его убийцы. Ты поставил нужды Сената превыше собственной боли. Ты – пример, Робаут Жиллиман, – он окинул взглядом Сенат. – Пример для всех нас!

Я хотел было в отрицании покачать головой, но прежде, чем я смог дать ответ, еще один сенатор рядом снял свой венок и бросил его рядом с венком Адарина. Затем еще один поступил также. Один за другим патриции проталкивались вперед и бросали венки к моим ногам до тех пор, пока я весь не был окружен грудой листьев из золота.

Гордость и изумление буквально пригвоздили меня к месту. Я вновь подумал о пророчестве отца, и зашептал, но не намереваясь быть услышанным:

– Макрейдж выстоит...

Акустика зала подхватила мои слова, и вознесла их над толпой.

– Макрейдж выстоит! – ответили пять сотен голосов, и Сенат начал вставать на колени.